

УДК 398.5(470.57)
ББК 86.3(2Рос.Баш)

Образ мифической птицы Хумай в традиционном мировоззрении башкир

А.Ф. Илимбетова

Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (Уфа, Россия)

Mythical Bird Humay in the Traditional Worldview of the Bashkirs

A.F. Ilimbetova

Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (Ufa, Russia)

Статья посвящена анализу образа *Хумай*, которая является одним из ключевых персонажей в устном народном творчестве башкир. В мифологии башкир *Хумай* выступает в роли птицы-лебеди, владычицы птичьего царства, обладающей даром перевоплощения. *Хумай-лебедь* — божественная птица. Она не только дочь Солнца и солярного божества Самрау, но и сама является воплощением солнца. Как супруга героя-первопредка и бога-демиурга Урал-батыра *Хумай* дарит ему небесного коня Акбузата, магический булатный меч, участвует в создании природы и животного мира Южного Урала, ведет активную борьбу с демоническими силами. В мифологии *Хумай* признается праматерью башкир. В устной словесности башкир обнаруживаются пережитки рассуждений о птице *Хумай* как о благодетельнице людей. Как богиня-мать *Хумай* оказывает покровительство созданию и сохранению семейных отношений, плодovitости женщин, является заступницей рожениц. В устном народном творчестве башкир *Хумай* выступает покровительницей героев, дарительницей счастья и богатства, а также может переродить человека в новом качестве. Образ женского божества *Хумай/Умай* имеется в мифологии широкого круга народов мира.

Ключевые слова: Хумай, культ лебеди, женское божество, башкирская мифология, традиционное мировоззрение.

DOI: 10.14258/izvasu(2023)3-09

Божество *Хумай* (*Нумай*) являлась одной из ключевых фигур в религиозно-мифологических воззрениях башкир. Ее образ всегда вызывал особый интерес в этнологии и фольклористике. Так, известный тюрколог А. Инан, анализируя культ мифической

The article is devoted to the analysis of the image of Humay, that is one of the key characters in the oral folk art of the Bashkirs. In the mythology of the Bashkirs, Humay acts as a mythical swan bird, the mistress of the bird kingdom, possessing the gift of reincarnation. Humay-swan is a divine bird. She is not only the daughter of the Sun and the solar deity Samrau, but she herself is the incarnation of the Sun. As the wife of the hero-ancestor and the god-demiurge Ural-batyr, Humay gives him the heavenly horse Akbuzat and the magic damask sword. She participates in the creation of nature and fauna of the Southern Urals and fights demonic forces. In mythology, Humay is recognized as the foremother of the Bashkirs. In the oral literature of the Bashkirs, remnants of reasoning about the Humay bird as a benefactor of people are found. As a mother-goddess, Humay patronizes the creation and preservation of family relationships, the fertility of women, and is the intercessor of women in childbirth. In the folk art of the Bashkirs, she acts as the patroness of heroes, the giver of happiness and wealth, and can also regenerate a person in a new quality. The image of the female deity Humay / Umay is found in the mythology of a wide range of peoples of the world.

Keywords: Humay, swan cult, goddess, Bashkir's mythology, traditional worldview.

птицы Хумай у башкир, связывает его корни с древнейшей богиней тюрков, покровительницей женщин, рожениц и детей — Умай. По его мнению, формирование представлений о богине *Умай* у тюркских, монгольских и иранских народов сложилось под влияни-

ем древнеиндийского (санскритского) этнического мира [1, с. 51–53]. М.М. Сагитов, затрагивая тему почитания образа *Хумай* в башкирской мифологии, считает, что в она выступает в ипостаси богини плодородия и покровительницы детей. По его мнению, поклонение *Хумай* входило в пантеон не только древних башкир, но и других тюрко-монгольских, индоиранских и арабских народов [2, с. 73–74, 81–83]. Как считает С.А. Галин, сложение представлений о мифической птице *Хумай* произошло в результате взаимодействия культур урало-алтайских и индоевропейских народов, а возникновение тотемических суждений о птицах возникло в эпоху существования этнокультурной и языковой общности урало-алтайских и индоевропейских народов [3, с. 27].

З.Г. Аминев, рассматривая образ лебедки-красавицы *Хумай* в башкирском эпосе «Урал-батыр», приходит к выводу, что она является олицетворением солнечных лучей, сравнивает ее с богинями утренней зари Ушас, Эос, Авророй и Афродитой [4, с. 41–43]. Г.Р. Хусаинова полагает, что ассоциация птицы *Хумай* в башкирской традиции с солнцем указывает на очень древние мифологические истоки этого образа в связи с мифом о двух водоплавающих птицах — создателях земли и Жизни [5]. Согласно материалам Ф.Г. Хисамитдиновой, башкиры считали *Хумай* прародительницей башкир и богиней-покровительницей рожениц [6, с. 12; 7, с. 147, 152–153]. Философ Д.Ж. Валеев видит в башкирской эпической героине деве-лебедке *Хумай* двойника древнетюркской богини плодородия: они «фактически одно и то же лицо» [8, с. 21]. О почитании башкирами мифической птицы *Хумай* в традиционном мировоззрении башкир также отмечали в своих научных работах В.Г. Котов [9, с. 112–113], З.Р. Саламова [10, с. 424], Г.Р. Батыршина [11, с. 114], В.М. Мамбетова [12, с. 161–162] и др.

Однако до сих пор остаются дискуссионными вопросы возникновения, становления и формирования образа *Хумай*. Поэтому исследования, обсуждающие те или иные стороны этого образа, представляются актуальными и своевременными. Цель данной статьи — провести анализ представлений, связанных с образом *Хумай*, по данным фольклорных и этнографических материалов. Это дает возможность воссоздать те или иные аспекты истории башкирского народа, способствует выявлению исторических и генетических корней его духовной культуры.

В устном народном творчестве башкир *Хумай* выступает в роли мифической птицы-лебеди неземного мира, обладающей даром перевоплощения. В эпосе «Урал-батыр» *Хумай* является дочерью царя птиц Самрау и Солнца и может принять облик как лебеди, так и прекрасной девушки.

Однажды *Хумай* в лебяжьем одеянии «полетела мир повидать», но попала в сети, расставленные Уралом, его старшим братом Шульгеном и их родителями. Как только охотники собрались отсечь ей голову, как она заговорила по-человечески и попросила их отпустить ее на волю, тем более, что она несъедобна — мать *Кояш* (Солнце) омыла ее еще в младенчестве водой из Живого Родника. Взамен она обещала им показать путь к Живому Роднику, но не успела, ее унесли другие лебеди [13, с. 67, 277–278].

Хумай-лебедь — божественная птица. Она не только дочь Солнца и солярного божества Самрау, но и сама является воплощением солнца [14, с. 102]. Об этом свидетельствуют следующие слова:

*«Алтын сәсем таркаһам,
Нурға илде күмәмен,
Көндөз ергә нур һибәм,
Кисен айға нур бирәм».*
(«Если золотые волосы распушу,
Лучами страну залью,
Днем на землю лучи лью,
Ночью посылаю Луне») [13, с. 67, 277].

Солнечная сущность *Хумай* ясно проступает и в эпизоде поглощения змеем-Заркумом девушки:

*«Зәркүм кызын карпығас,
Күктә кояш тотолған,...
Һомайзың да юклығын,
Барыһы ла аңлаған».*
(«Когда Заркум девушку проглотил,
Солнце затмилось в небесах,...
Поняли все (тогда),
Что исчезла *Хумай*») [13, с. 130, 341].

Отождествление *Хумай* с солнцем и огнем проглядывается и в старинном поверье башкир: человек, увидевший ее полет в небе в виде огня (*ут булып*), становится счастливым [15, с. 298].

В эпосе «Урал-батыр» *Хумай* — активно действующий персонаж. Она, фактическая владычица птичьего царства (страны отца), расправляется с одиозными демоническими фигурами: создает бездну, раздвинув землю, куда бросает Шульгена и Заркума, а когда они пытались выбраться из подземелья, по ее велению оно было затоплено водой, то есть *Хумай* обладает силой расколоть землю и вызвать потоп космического масштаба (на благо людей, во вред демоническим силам).

Хумай — помощница Урал-батыра, дарит ему фантастического небесного коня Акбузата и магический булатный меч. Как супруга бога-творца и культурного героя Урал-батыра *Хумай* участвует

в создании природы родного края башкир. По ее велению сыновья Урал-батыра булатным мечом рассекают горы пополам и прорубают русла рек Идель, Яика и Нугуша. Хумай привела за собой к горе Уралтау зверей и птиц, а за ними пришли к подножьям Урала потомки мифического быка Катилы и небесного Акбузата. *Хумай* в лице жены Урал-батыра и матери Иделя воспринималась прародительницей основных семи родов башкир. В эпосе «Акбузат» *Хумай* объявляется матерью девушек, заточенных в подводном дворце Шульгена [13]. После гибели мужа, оставшись навечно в лебедином облике, она стала праматерью лебедей, т.е. мыслилась тотемическим первопредком. Реликты сходных идей отражаются в антропонимии башкир. Среди башкир были широко распространены имена с основой *Хумай*: Хумайра — женское имя; Имай — мужское имя [16, с. 38, 142].

В верованиях башкир *Хумай* предстает в образе необычайной птицы-покровительницы. В поверье, записанном башкирским поэтом, ученым Т. Ялсыгуловым в конце XVIII в., говорится, что если на человека упадет тень пролетающей над ним птицы *Хумай*, то он станет царем Вселенной [1, с. 53]. В сказке «*Хумай-птица*» («*Хумай-птица*») некий поп обещает жениться на вдове, если она накормит его мозгом и сердцем *Хумай-птицы*. Женщина зарезала *Хумай-птицу* (которая водилась у нее в хозяйстве) и положила в казан варить ее голову и сердце. Но их нечаянно съели ее пасынки: старший — сердце, младший — голову птицы. Разгневанная мачеха увезла пасынков далеко за горы и бросила там. Мальчики после долгих блужданий выбрались на дорогу и разошлись в разные стороны. Старший брат попал в город, где жители выбирали царя. Им должен был стать тот, на чьи плечи сядет *Хумай-птица*. *Хумай-птица* три раза подряд села на плечи мальчика, и он был избран царем. А младший брат становится хозяином волшебных вещей, овладевает даром понимать птичий язык, женится на царице-девице [17, с. 243–246].

В этих фольклорных сюжетах нетрудно заметить пережитки представлений башкир о птице — тотемической прародительнице, патронессе инициации, способной переродить человека в новом статусе, а также рудименты обрядового поедания тотемной птицы (приращение тотемом) с целью ее размножения и приобщения к ней.

Следы созвучных суждений о *Хумай* просматриваются и в одном из эпизодов в эпосе «Акбузат»: благодарная *Хумай* за излечение ее израненных крыльев предлагает главному эпическому герою Хаубану доставить его на своих крыльях в заморское царство, куда приспешники Масем-хана продали в рабство семерых башкирских баты-

ров. Но во время полета на край света она просит Хаубана, чтобы он покормил ее мясом со своего бедра и бедер освобожденных батыров. А по возвращению домой она дает совет лечить раны, смазав их пеной изо рта своего волшебного коня Акбузата [13, с. 204].

Вряд ли здесь речь идет о приверженности *Хумай* к каннибализму. Данный эпизод, скорее всего, напоминает отзвуки древнейших религиозных умозаключений об особом духе-покровителе инициации (в нашем примере *Хумай*), который якобы во время обрядов «посвящения» пожирает, а потом вновь оживляет (изрыгает) неофитов, «перерождая» их полноправными членами древнего сообщества людей.

Как богиня-мать *Хумай* оказывает покровительство созданию и сохранению семейных отношений, плодovitости женщин. Так, в сказке «Зайнулла и Красота» героиня влюбилась в Зайнулла и заболела от тоски по нему. Излечить ее от болезни можно было только при помощи яиц *Хумай-птицы*. Услышав об этом, Зайнулла находит гнездо чудесной птицы, забирает оттуда яйца, приносит их красавице, которая, выпив их, тут же выздоравливает и выходит замуж за любимого джигита. Вскоре Зайнулла стал царем, а красавица-жена — царицей [17, с. 367–370]. В родильной обрядности башкир *Хумай* выступает в ипостаси заступницы беременных женщин: при тяжелых родовых потугах рожениц повивальные бабки (*кендек индхе*) обращались к богине *Хумай* с мольбами об облегчении разрешиться от бремени [6, с. 12].

В устной словесности башкир обнаруживаются и пережитки древних рассуждений о птице *Хумай* как о благодетельнице людей. В сказке «*Хумай-птица*» старик поймал в силки *Хумай-птицу*, которая в доме старика начала нести яйца, высидывать их и выводить птенцов. Старик занялся продажей редкостных птенцов и вскоре разбогател [17, с. 243]. В поверьях башкир *Хумай* считается птицей счастья (*бэхет кошо*) [15, с. 298].

Культе *Хумай* / *Умай* / *Гюма* / *Май* (и другие варианты) — солнечной богини-матери, покровительницы плодородия, заступницы рожениц и детей, защитницы отдельных героев, народов и стран, благодетельницы, ниспосылающей счастье, благополучие и богатство, известен урало-алтайским, китайско-тибетским, индоевропейским, афразийским народам, древним шумерам, этрускам и другим народам.

В частности, в амплуа покровительницы плодородия *Умай* / *Хумай* / *Хуба* / *Гюма* фигурирует в пантеоне древних тюрков, балкарцев, карачаевцев, крымских татар, узбеков, киргизов, тувинцев, сибирских татар, алтайцев, хакасов, шорцев, тувинцев, якутов, бурят, тибетцев, монголов, нанайцев [1, с. 51;

2, с. 81; 18, с. 100; 19, с. 206; 20, с. 276–277; 21, с. 177; 22, с. 270]. Аналогичную функцию выполняли богини *Унанай* у кумыков, *Ими* у якутов, *Хумай* у иранцев, *Гао-Мэй* у китайцев, *Ума* у индуистов, *Зат-Хамим / Зат Химйам* у древних йеменцев, *Хуба* у урартийцев, *Кубаба* у лувийцев и хурритов, *Инанна* у шумеров, *Уни* у этрусков, *Юнона* у древних римлян, *Юма / Юме* у латышей [1, с. 51, 53; 23, с. 477–478; 24, с. 179, 219, 407, 619, 624, 646; 25, с. 59, 167] и др.

Во многих мифологических традициях *Хумай* прежде всего богиня-мать, поборница женщин, рожениц и детей. В древнетюркской и коктюркской мифологии *Умай* изображается супругой верховного бога Тенгри (Неба), у алтайских тюрков она — жена верховного бога Жайыка, а в древнеуйгурских текстах X в. называлась благодетельной царицей [24, с. 562; 26, с. 230–231]. *Хумай / Умай / Май* (и другие варианты) признавалась богиней-праматерью в верованиях древних тюрков, огузов, алтайцев, казахов, киргизов, карачаевцев и балкарцев, узбеков, шорцев, хакасов, якутов, бурят, нанайцев, тибетцев, индуистов (*Ума*), урартийцев (*Хуба*) [1, с. 55; 20, с. 277; 24, с. 179, 587; 27, с. 99, 105; 28, с. 562; 29, с. 46; 30, с. 159; 31, с. 88; 32, с. 167].

Как к богине-матери, прародительнице женщины обращались к ней за помощью при бездетности у древних тюрков, карачаевцев, балкарцев, киргизов, хакасов, китайцев (*Гао-Мэй*) и древних римлян (*Юнона*) [1, с. 52; 19, с. 206; 22, с. 270; 24, с. 646]. У нее искали поддержки при трудных родах карачаевские, балкарские, алтайские, хакасские, якутские и монгольские женщины [29, с. 271; 31, с. 88; 33, с. 77; 34, с. 98, 104]. Она выступала как заступница новорожденных в поверьях тюрко-монгольских и тибетских народов, в том числе у балкарцев, карачаевцев, узбеков, казахов, киргизов, алтайцев, шорцев хакасов, якутов, бурят, монголов, тибетцев [1, с. 51; 20, с. 277; 22, с. 271; 27, с. 99; 28, с. 562; 29, с. 74; 30, с. 160; 31, с. 88; 35, с. 135; 36, с. 105; 37, с. 46–48].

Дериваты убеждений о *Хумай* как о птице-прародительнице преломляются в суеверных убеждениях, в которых она воспринимается как источник жизненной субстанции. По поверьям хакасов, *Ымай-идже* — хранительница детских душ, приносит ее новорожденному ребенку. Шорцы, хакасы, эвенки-орочены словом *Умай / Оми* называли душу ребенка в виде лебедей (птичек). Они, попадая в женщину, делали ее беременной и давали начало жизни ребенка. У хакасов и нанайцев *Ымай / Умай* является хранительницей детских душ [22, с. 265–286; 31, с. 88; 34, с. 93, 98].

В мифологии древних тюрков, древних уйгуров, алтайцев, карачаевцев, балкарцев, хакасов, узбеков, киргизов, нанайцев, монголов богиня *Умай* (*Май* и другие варианты) провозглашается оплотом героев, народов и стран [1, с. 52, 55; 22, с. 269; 29, с. 73–74;

30, с. 160; 31, с. 88; 32, с. 167, 171; 33, с. 53]. У древних йеменцев за покровительницу и владычицу страны принималась богиня *Зат-Хамим / Зат-Химйам* [24, с. 219]. В устнопоэтическом творчестве туркмен и иранцев *Хумай* изображается воплощением царской власти. В туркменском дастане «Говхар-гыз и Ширалы бег» народ возвел на шахский престол Ширалы бега, так как выпущенная в полет птица *Хумай* села на его голову. В иранских преданиях сообщается, что тот, на кого падет тень птицы *Хумай*, станет венценосцем [38, с. 25; 39, с. 786].

В тюркской традиции *Умай, Хумай, Хубай, Хума* (и др.) наделяет людей счастьем [33, с. 77]. Узбеки и киргизы Тянь-Шаня ребенка с родимыми пятнами объявляли богоугодным ребенком, ибо это — «следы *Умай*» [31, с. 88]. Киргизы верили, что *Умай* дарует богатый урожай и умножает скот [28, с. 562]. Согласно предрассудкам крымских татар, когда тень птицы *Гюма* падает на землю, идет дождь. У якутов ее называли птицей судьбы [1, с. 53]. По суевериям иранских и арабских народов, если кто увидит в полете птицу *Хумай* и на него падет ее тень — будет во всем удачлив [28, с. 562; 40, с. 215]. Символом богатства служила богиня *Юма / Юмала* у латышей [24, с. 646].

В религиозных представлениях урало-алтайских народов, в том числе древних тюрков, *Хумай* генетически связана с образом птицы. В фольклоре киргизов она представляется сказочной птицей, которая гнездится в воздухе. По поверьям хакасов, небесная богиня *Умай* имела вид птицы (*Ымай-хоос*) [20, с. 277; 31, с. 87, 89; 36, с. 105]. У алтайцев-кумандинцев при трудных родах шаман обращался к *Убай-эне*: «С ясного неба, паря, садись *Убай-эне*, птица-мать...» [33, с. 77]. Не вызывает сомнения птичья ипостась богини *Умай / Ими* у якутов и бурят. Облик птицы могла принять богиня *Майдя-ыне / Умай*, прародительница нанайцев [32, с. 167, 171]. У иранцев райская птица *Хумай* обитает на мировом дереве [1, с. 51–53].

Более того, в воззрениях вышеупомянутых народов образ богини *Хумай* ассоциируется (как и у башкир) с определенной птицей, а именно с лебедем. Так, в тюркоязычном мире *Хумай* бытовала в образе *Умай / Хума / Хуммай / Хуба / Хуу / Куу* (и другие варианты) со значением «лебедь», «лебедь-девушка». В карачаевском фольклоре птицы *Хуммай* и *Гуммай* они же *Ала-Къаз* и *Къара-Къаз*, изображаются властительницами на земле. В верованиях хакасов богиню *Ымай-хус* представляли полной седовласой старушкой, имеющей способность летать в образе белой птицы. Также в хакасских заговорах с целью излечения женщины от бесплодия имеются слова о спускании *Ымай* на крону березы в виде белой птицы (*ах хус*) [34, с. 96]. В якутском пантеоне богиня *Хубай хатун / Куба хатын* — жена не-

бесного светлого бога *Юрунг айы тойон* (вариант: жена эпического героя Ар-тойона), явилась предкам якутов в виде лебедя. Небесной богиней-лебедью была и *Хобоши хатун*, жена первопредка бурят Хоридоя [41, с. 84]. У нанайцев богиня-мать — мать *Майдя ыне / Умай* имела облик водоплавающей птицы [32, с. 167, 171]. У курдов слово «хумай» означает сказочную птицу-лебедя.

Слова «ху» / «хуу» / «ку» в алтайском, тувинском, шорском, хакасском и киргизском, «гу» в азербайджанском, «куб» / «кьув» в уйгурском, кумыкском, «гув» в туркменском, «куба» / «кубай» в якутском языках понимаются как «лебедь» [42, с. 21, 24].

Как было отмечено несколько выше, в эпосе «Урал-батыр» лебедь-дева *Хумай* олицетворяла собою утреннее солнце. Схожие сюжеты были знакомы самым различным народам Евразии. У древних тюрков *Умай* соотносится с солнцем, огнем, светом. В частности, древние тюрки, карачаевцы, балкарцы считали ее покровительницей домашнего очага [26, с. 99, 105, 163; 29, с. 74]. Народы Средней Азии воспринимали ее как воплощение солнца [43, с. 342–343]. *Умай-эне* полностью сливается с огнем, домашним очагом у киргизов [28, с. 562]. По хакасским шаманским мифам *Ымай идже* и богиня огня *От идже* — родные сестры [33, с. 96]. Она почиталась как божество огня у алтайцев [1, с. 51]. Слияние образа *Умай* с солнцем ощущается и в фольклоре телутов и шорцев: она описывается молодой светловолосой (символ солнца, света) женщиной, которая на призыв людей спускается с верхнего мира по радуге, подобной солнцу [22, с. 277, 280]. Исследователи обратили внимание на солнечную природу богини *Умай* у бурят [18, с. 101]. В индуистской мифологии дочь царя гор (символа неба) *Химавата / Хималая*, жена одного из верховных богов Шивы носит имя *Ума* — «светлая». На связь птицы *Хумай* с мотивами солнца в верованиях иранских народов обратил внимание Р.Р. Рахимов [40, с. 215]. В урартийской мифологии богиня-мать, «госпожа неба» *Хуба* отождествлялась с хеттской богиней солнца. В религиозных притчах древних йеменцев богиня плодородия *Зат-Хамим / Зат-Химйам*, ниспосылающая людям счастье, выступает в амплуа богини солнца [24, с. 179, 219, 587].

В этнографической литературе как реминисценции культа *Хумай / Умай* рассматриваются отдельные термины родства и названия частей женского организма с основой «ума» / «ама» / «эме» / «эм» у алтайских и соседних народов. В частности, к ним относят общеалтайский архетип «эмэ», чувашский термин «ама», монгольский, бурятский, калмыцкий «эмэ» / «эм», тунгусо-маньчжурский «эмэ», нивхский «ум-гу», юкагирский «ätiä», тибетский «ита» — мать, жена, женщина [44, с. 648; 45, с. 62–70]; древнетюркский «утај», татарский «ум» / «ым» / «им» / «ам»,

уйгурский, монгольский, бурятский «ума» / «умай» — матка, детское место, утроба [20, с. 277; 31, с. 88; 44, с. 611; 46, с. 145]; древнетюркский «ет», уйгурский, киргизский, татарский, турецкий «ат» — женский половой орган [47, с. 77] и т.д.

Это не просто фонетические соответствия с *Хумай / Умай*. Все эти понятия тесно связаны с рождением ребенка, с плодоносящей женщиной. Ш.В. Нафиков считает, что они по своей семантике могут быть связаны «с праалтайской реконструированной глоссой «ити» — «родить» [48, с. 173]. В них отражаются различные этапы развития представлений о мифических первопредках: от наиболее архаичных рассуждений о птице-прародительнице (лебедке) к более поздним орнито-антропоморфным родоначальницам (*Хумай*) и богиням-матерям в облике женщины. Данное умозаключение получает дополнительное обоснование тем фактом, что тюркские народы Саяно-Алтая и Средней Азии изображали *Хумай / Умай* то в образе птицы (лебедя), то крылатой женщины, то как светлую (варианты: красивую, молодую, старую, святую) женщину [31, с. 89; 33, с. 58; 34, с. 93; 35, с. 135].

Столь широкую распространенность культа полифункциональной богини *Хумай / Умай* некоторые исследователи объясняют влиянием древних тюрков [26, с. 167, 174, 231] и раннесредневековых кипчаков [49, с. 217] на индоевропейскую этнокультурную среду. Другие рассматривают это явление как результат иррадиации иранской [28, с. 562; 43, с. 344] или индоевропейской [18, с. 104] традиций. Третьи полагают, что культ божества *Умай* в тюркском мире имеет единые истоки с культурой и мифологией народов урало-алтайской языковой общности [9, с. 114; 22, с. 284]. По мнению С.А. Галина, широкое бытование образа *Хумай* и у ираноязычных народов «уводит нас в еще более глубокую древность» [3, с. 27], т.е. к эпохе существования ностратической языковой общности. С.М. Абрамзон возводит ее корни к древнему общечеловеческому мотиву птицы — солнечного божества, творца всего живого, символизирующего плодovitость и плодородие [20, с. 278–279]. Как нам кажется, более обоснованной является точка зрения С.М. Абрамзона. В пользу его гипотезы говорят те факты, что в мифологии многих народов мира тотемная птица-лебедь сама считается олицетворением солнца, она воплощает не только богиню *Хумай*, но и других богов и богинь, творцов природы и людей. Как прародительница лебедь сама причисляется в сонм божественных существ.

Таким образом, культ орноморфной солнечной богини-матери, владычицы птичьего царства *Хумай* у башкир соотносится с женским творческим началом. Она признается праматерью башкир, заступницей рожениц, покровительницей героев, да-

рительницей счастья и богатства, а также может переродить человека в новом качестве («Акбузат», «Хумай-птица»). Как супруга культурного героя и бога-демиурга Урал-батыра она дарит ему небесного коня Акбузата и магический меч, участвует в создании природы и животного мира Южного Урала,

ведет активную борьбу с демоническими силами (Заркумом и Шульгеном). Образ женского божества *Хумай / Умай* имеется в мифологии широкого круга народов мира, в том числе у урало-алтайских, китайско-тибетских, индоевропейских, афразийских и других народов.

Библиографический список

1. Инан А. Шаманизм тарихта һәм бөгөн. Өфө, 1998 (на башк. яз.).
2. Сәғитов М. Боронго башкорт кобайырзары. Өфө, 1987 (на башк. яз.).
3. Галин С.А. Божество Хумай // Ядкар. 2000. № 2.
4. Аминев З.Г. Образ Хумай в эпосе «Урал-батыр» // Урал-Алтай: через века в будущее : материалы IV Всероссийской научной конф. Уфа, 2010. Ч. 1.
5. Хусаинова Г.Р. Поэтика башкирских народных волшебных сказок: формулы в сравнительном освещении и сохраняемость сказки во времени. М., 2000.
6. Башкорттарзың им-том китабы. Дауалау һәм һаклау магияһы / Автор-төз. Ф.Ф. Хисамитдинова. Өфө, 2006 (на башк. яз.).
7. Хисамитдинова Ф.Г. Божества верхнего мира в мифологии башкир // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований. 2014. № 4.
8. Валеев Д.Ж. Очерки истории общественной мысли Башкортостана. Уфа, 1995.
9. Котов В.Г. Женское божество Умай / Хумай: сравнительная характеристика // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4–2 (68).
10. Саямова З.Р. Образ женщины-матери в башкирском эпосе «Урал-батыр» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2019. Т. 12. № 3. URL: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.88>.
11. Батыршина Г.Р. Лексика родинного обряда башкир (этнолингвистический анализ). Уфа, 2011.
12. Мамбетова В.М. Культ Тенгри и образ Хумай в тюрко-башкирской эпической литературе // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. № 7.
13. Башкирский народный эпос. М., 1977.
14. Илимбетова А.Ф. Культ лебеди у башкир // Актуальные проблемы истории и литературы Башкортостана. Уфа, 2002.
15. Башкорт халык ижады. Эпос. Беренсе китап. Өфө, 1972 (на башк. яз.).
16. Кусимова Т.Х. Исемдәр доньяһында. Башкорт исемдәре һүзлеге башкорт һәм рус телдәрәндә. Өфө, 1991 (на башк. яз.).
17. Башкирское народное творчество. Т. 4. Волшебные сказки. Сказки о животных. Уфа, 1989.
18. Скрынникова Т.Д. Ранний архетип божества Умай // Культурное наследие народов Сибири и Севера : материалы Пятых Сибирских чтений. СПб., 2004. Ч. 2.
19. Занукоева Ф.Х. О мифах карачаевцев и балкарцев // Литературное наследие. Фольклор. Текстология. Уфа, 2009. Вып. 4.
20. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971.
21. Валеев Ф.Т. Сибирские татары. Культура и быт. Казань, 1993.
22. Потапов Л.П. Умай — божество древних тюрков в свете этнографических данных // Тюркологический сборник — 1972. М., 1973.
23. Халипаева И.А. Из мифологического пантеона кумыков: божества // Тюркология-88 : тезисы докладов и сообщений V Всесоюзной тюркологической конф. Фрунзе, 1988.
24. Мифологический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский. М., 1991.
25. Латыпов Ф.Р. Исследование этрусского и минойского языков на основе фоноэволюционной пратюркской гипотезы и комбинаторно-частотных методов. Уфа, 1999.
26. Кондыбай С. Казахская мифология : краткий словарь. Алматы, 2005.
27. Бернштам А.Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков VI–VIII вв. М. ; Л., 1946.
28. Басилов В.Н. Умай // Мифологический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский. М., 1991.
29. Малкондуев Х.Х. Обрядово-мифологическая поэзия балкарцев и карачаевцев (Жанровые и художественно-поэтические традиции). Нальчик, 1996.
30. Кустова Ю.Г. Традиционные представления хакасов о жизненности // Культурное наследие народов Сибири и Севера : материалы Четвертых Сибирских чтений. СПб., 2000.
31. Скобелев С.Г. Понятие «кут» и его принадлежности у тюрков Сибири и Средней Азии // Этнографическое обозрение. 1997. № 6.
32. Сем Т.Ю. Пантеон божеств и предков // История и культура нанайцев. Историко-этнографические очерки. СПб., 2003.
33. Сагалаев А.М. Урало-алтайская мифология. Символ и архетип. Новосибирск, 1991.

34. Бутанаев В.Я. Культ богини Умай у хакасов // Этнография народов Сибири : сб. статей. Новосибирск, 1984.
35. Дыренкова Н.П. Умай в культе турецких племен // Культура и письменность Востока. Баку, 1928. Кн. 3.
36. Кидиекова И.К. Ымай-хос — узор-оберег в хакасском орнаменте // Культурное наследие народов Сибири и Севера : материалы Пярых Сибирских чтений. СПб., 2004. Ч. 2.
37. Бурнаков В.А., Цыденова Д.Ц. Культурная атрибутика богини Умай в религиозно-мифологических представлениях хакасов (конец XIX — вторая половина XX века) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2016. № 3 (13).
38. Шасенем и Гарып, Касым-оглан и другие туркменские народные повести. М., 1991.
39. Фирдоуси. Шах-наме. М., 1972.
40. Рахимов Р.Р. «Язык птиц»: заметки о птичьих образах в культуре таджиков // Радловские чтения-2005. СПб., 2005.
41. Дугаров Д.С. Исторические корни белого шаманства (на материале обрядового фольклора бурят). М., 1991.
42. Потапов Л.П. Из истории ранних форм семьи и религиозных представлений (обычай дарения убитого лебедя у хакасов) // Советская этнография. 1959. № 2.
43. Черемисин Д.В. К изучению ирано-тюркских связей в области мифологии // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур. Новосибирск, 1995.
44. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
45. Цинциус В.И. К этимологии алтайских терминов родства // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков : сборник статей. Л., 1972.
46. Скобелев С.Г. Древнетюркская богиня плодородия Умай: гора и храм на Енисее // *Universum Humanitarium*. 2022. № 1. URL: <https://doi.org/10.25205/2499-9997-2022-1-143-152>.
47. Колесникова В.Д. Названия частей тела человека в алтайских языках // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков : сборник статей. Л., 1972.
48. Нафиков Ш.В. Тамыры уғата бороңғо башкорт. Найланма язмалар. Өфө, 2009. Т. 1 (на башк. яз.).
49. Аджид Муррад. Польша полвецкого поля. М., 1994.